

Katia Kash

Я
ПРОСНУЛАСЬ
ЛИСИЦЕЙ

**Москва
2020**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К98

Художественное оформление
Анастасии Ивановой

В книге использованы фотографии
Анастасии Лазуренко

Кэш, Катя.

К98 Я проснулась лисицей / Катя Кэш. — Москва :
Эксмо, 2020. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-04-109735-6

Лондон, 2012 год. Главной героине почти 30 лет, и она решает начать всё с абсолютного нуля. Она меняет семь работ, от домработницы и сиделки до барменши, учится законам выживания, открывает темные стороны большого города, находит и теряет друзей... А Лондон из места действия становится одним из действующих лиц.

«Я проснулась лисицей» — это автобиографическая история о девушке, которая начинает всё с абсолютного нуля в Лондоне.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Katia Kash, 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109735-6

*Посвящается
актрисе, шаманке, Большой Чешке
и каждому персонажу этой книги.
А также тому, кто остался без истории,
но кто был неотъемлемой частью всего.*

Оглавление

Глава 1. Комната	9
Глава 2. Мэрия	21
Глава 3. Мексиканец	33
Глава 4. «Президент-Клуб»	50
Глава 5. Шаманка	63
Глава 6. Киприот	74
Глава 7. Сёрфер	86
Глава 8. Большая Чешка	95
Глава 9. ЮНИСЕФ	107
Глава 10. Алкоголь	119
Глава 11. Чех	131
Глава 12. Мужчины	150
Глава 13. Человек-птица	170
Глава 14. Кокаин	178
Глава 15. Наркотики	197
Глава 16. Семь гномов	205

Katia Kash

Глава 17. Сто Чашек Зеленого Чая	219
Глава 18. Берёза	233
Глава 19. Дети	242
Глава 20. Мужчина, Которому Был 91 Год	265
Глава 21. Барон	285
Глава 22. Тело	312
Глава 23. Прощай, дорога из жёлтого кирпича!	326

ГЛАВА 1

Комната

Мое первое слово было «синий», не «дай» и не «мама». Передо мной на круглом обеденном столе стояла ваза из толстого синего стекла. Бабушка поставила в неё какие-то ярко-желтые цветы, и я впервые по-настоящему увидела уже знакомый мне предмет. Позже я стала проделывать этот опыт со всеми знакомыми-незнакомыми вещами — я стала внимательно всматриваться в них и открывать их заново. Меня приводило в восторг, что никто не мог ответить на вопрос: что нарисовано на спичечном коробке? На том самом, который они по несколько раз в день брали в руки, зажигая конфорки газовой плиты. Там нарисован бедуин! Я сияла, переполненная эмоциями. Да, бедуин! Руки брали коробок, подносили его ближе к лицу, рассматривали под разными углами. Я сказала «синий». Мне было два года и уже тогда я получала особое наслаждение от слов — от их звучания, их волшебства уместать в себе сущность предмета или понятия. Я могла подолгу размышлять над фразой «сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Я ходила в своих резиновых сапожках по весенним подорожникам и мать-и-мачехе пусты-

ря и повторяла про себя: «сказка — ложь, сказка — ложь...» Мне нравилось, как все, что становилось историей — пересказанной или записанной — с какой бы точностью ни сохранялись мельчайшие подробности, переходило в свой персональный мирок, приобретало отдельное существование. Словами можно было вдохнуть жизнь в любую историю. Можно было быть Богом для маленького пузыря с заключённой в него микровселенной.

Я начала читать рано — всё, что содержало буквы и попадалось мне под руку — отрывной садоводческий календарь, стопку журналов «Огонек», тома советской энциклопедии, «Маленького принца»... Когда, по мнению взрослых, я достаточно подросла, чтобы спрашивать у меня, кем я хочу быть, я отвечала, что писателем. Я хотела быть писателем, проституткой и ведьмой. Поскольку в меня входило огромное количество информации, невозможно было отследить, откуда именно я узнала о проститутках — я имела о них очень смутное представление, но решила попридержать эту часть ответа при себе. Интуитивно я понимала, что родители и окружение не одобряют такое стремление. И тем не менее мне хотелось быть именно писателем, проституткой и ведьмой. Возможно, через дефис — всеми тремя одновременно. Строго говоря, все три являются не профессиями, а некими духовными практиками. Как бы то ни было, я сформулировала свой заказ и отправила его в никуда, как письмо в бутылке.

В школе я учила свою подружку-одноклассницу, которая говорила «талготки» и «небель», таким сло-

вам, как «аскет» и «лазурный». Мне было с ней скучно, но она жила по соседству — никто не жил в той черте, за которой начиналось кладбище. Никто не ехал в троллейбусе до последней остановки, кроме нас двоих.

В школе мне было скучно и одиноко — мне банально было не с кем поговорить. Я дружила с библиотечаршей. Ей было за сорок и у нее был один сын — мой ровесник, — который презирал книжки. Его звали Женя, и он постоянно смотрел на меня тяжелым слюнявым взглядом детской похоти. Почему я помню, как его зовут? Почему в память входят такие случайные, незначительные персонажи? Почему именно они как черви прогрызают тоннели в глубины подсознания и потом выползают оттуда в наши сны и мысли?

Я знала, что обладаю над ним непонятной мне по природе властью. Это было каким-то образом связано с проститутской частью моего призвания. Я презрительно терпела его молчаливое липкое присутствие и в обмен пользовалась его карточкой, на которую могла брать себе ещё книг.

По ночам я колдовала над своими костями, призывая их расти — я знала, что дети растут во сне, и мне хотелось поскорее перерасти старшую сестру, которая меня постоянно пинала. Я родилась, когда ей было почти семь лет и она уже слишком привыкла быть одна, слишком привыкла единолично владеть вниманием и любовью родителей. Один раз я силой мысли рассосала небольшую грыжу, которая выскочила на запястье после того, как я куба-

рем слетела с велосипеда. Утром меня должны были вести к хирургу на операцию, и когда мама пришла меня будить, грыжи не было. Я не могла поверить глазам и только смеялась без конца, что еще больше заводило маму, сердившуюся непонятно за что и переживавшую за запись у врача (которую она выбила с большим трудом вне положенной очереди).

Я проделывала этот же трюк, останавливая всё же наступившие в 13 лет менструации. Я долго болела гриппом, прикованная к постели. Когда в конце второй недели я дотащила своё чахлае тело в туалет и увидела кровь, я решила, что мне пришёл конец. Но мама сказала: «Ты больше не ребёнок. Теперь ты — женщина». Мне не нравилось быть «женщиной». Я не хотела вступать в этот клуб и отныне кровоточить раз в месяц. Мне приснился сон, что я стою на краю бассейна, в котором купаются голые женщины. У всех них была большая грудь, и они все казались мне толстыми. Я стояла на бортике в большой футболке, переминая ногами. Женщины уговаривали меня спуститься к ним в воду. Я долго сопротивлялась, пока наконец не сдалась при условии, что не буду снимать футболку.

Первое слово на английском языке было *cucumber* (огурец). Я крутила в руках детский словарь с яркими картинками, и мой взгляд привлекла надпись «*cucumber*» — *кукумбер*. Я просто сошла с ума от того, как это слово выразило прохладу огурца, его длинное цилиндрическое тело, его свежий водянистый вкус. Как эти слоги, этот набор звуков пере-

дали огуречный запах — так пахнут молодые стебли камыша. В одно мгновение я вернулась в ощущение своего первого словесного кайфа — новый язык открыл бесконечность незнакомых слов, в которые можно было погружаться с тем самым знакомым мне удовольствием. Тогда я бы в жизни не представила себя за барной стойкой в Лондоне, продельвающей с «Сити бойз» такую же просветительскую работу, как с подругой-одноклассницей, открывая им, носителям языка, прекрасные, редкие слова.

«Что ты делаешь здесь?»

«Ты имеешь в виду здесь, в Лондоне, или здесь, в этом баре?»

«И то и другое. Но прежде всего *здесь* — здесь, в этой дыре?»

И правда: что? Я знаю, как я здесь оказалась. Я знаю, что привело меня в этот ночной оазис для пьянчуг и искателей приключений. Но что именно я здесь делаю?

«Ты же можешь быть где угодно, с кем угодно! Ты можешь все!»

Да. Я могу все. Главное — разбогатеть до наступления холодов.

Get rich before it gets cold — это были слова актрисы. Она была намного опытнее и знала, что зима в Лондоне для тощих нищелюбов — нелегкое испытание.

Лето закончилось. У меня не было денег. У меня не было работы. У меня не было даже самого вшивого плана, что мне делать. Всё, что у меня было —

это моя комната. Я отдала за первый месяц аренды все свои деньги, включая выручку за немногие свои драгоценные украшения, которые продала в ломбарде за гроши. Когда ты продал всё, что можно продать, — это точно дно.

Моя комната. Мой новый дом размером четыре на шесть шагов. Только мой. Комната была незаконная и стоила лишь половину цены, которую просили за жилье в этом уважаемом районе — парк с оленями, канал, магазины биоеды. Ближайшей станцией метро была «Ангел» — мне нравилось это совпадение, этот счастливый знак.

Хозяйка квартиры — ирландка, вечно причитавшая о том, как всё в жизни дорого — получила квартиру от государства как мать-одиночка. Она жила в загородном доме с отцом троих своих детей, с которым попросту не была расписана: «Лондон — это не то место, где можно иметь семью», она плотно сжимала губы и водила головой — «нет».

Моя комната была как больничная палата — белая и пустая. В ней не было абсолютно ничего. Белая матовая лампочка, белые жалюзи на окне и две встроенные полки. Я притащила с улицы матрас и разложила на полках свои немногие пожитки: две футболки, одни джинсы и несколько трусов. Мне нужно было проделать с этим набором библейское чудо семи хлебов и двух рыбок.

Маленькая хрупкая актриса как муравей притащила из старой жизни в новую воз с прицепом всякой всячины — книги, чашки, тарелки, салатницу, нераспечатанные банные наборы (те самые рожде-

